

Поэт и стихотворец Иван Иванович Дмитриев

И. И. Дмитриев. Сочинения

М., "Правда", 1986

Составление и комментарии А. М. Пескова и И. З. Сурат

Вступительная статья А. М. Пескова

[OCR Бычков М. Н.](#)

В VII главе "Евгения Онегина" есть такой эпизод:

У скучной тетки Таню встреть,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел.
И близ него, ее заметя,
Об ней, поправя свой парик,
Осведомляется старик.

"Пушкин, вероятно, имел в виду И. И. Дмитриева" {Русский архив, 1887, No 12, с. 577.},-- комментировал последние строки Вяземский. В VIII главе еще раз появляется портрет старика:

Тут был в душистых седилах
Старик, по-старому шутивший:
Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.

Осенью 1830 года, когда Пушкиным создавалась VIII глава "Евгения Онегина", Дмитриеву минуло 70 лет. Манеры конца "осмнадцатого столетия", стиль утонченного остроумия и изысканной вежливости, которые сохранял Дмитриев, в 30-е годы казались архаичными -- "несколько смешными" или, наоборот, излишне чопорными. В 30-е годы архаичными казались и стихи Дмитриева. Правда, для пушкинского поколения авторитет Дмитриева -- "заслуженного поэта, покоящегося на лаврах" -- представлял еще объективную реальность, которую невозможно не учитывать в собственных творческих поисках. Характерно, что Пушкин в черновике VIII главы "Евгения Онегина" среди литературных учителей своего поколения наряду с Державиным, Карамзиным и Жуковским вспомнил Дмитриева; "И Дмитрев не был наш хулитель" {Это сказано, впрочем, вопреки истине: Дмитриев как раз "был хулитель", и именно пушкинской поэмы "Руслан и Людмила". Пушкин нарочито искажает факты: здесь ему важно было подчеркнуть связь своего поколения с карамзинско-дмитриевской эпохой.}. В. К. Кюхельбекер, не благоговевший перед талантом Дмитриева ("Он очень неровен"), тем не менее замечал: "...перечитывая Дмитриева, я беспрестанно вспоминал Дельвига: как часто и много мы с ним читали и перечитывали старика! И должно же сказать, что мы оба ему многим обязаны" {Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 389; дневниковая запись от 26 сентября 1840 года.}. Поколение Лермонтова и Белинского, вошедшее в литературу в 30-е годы, уже не могло бы так сказать. Для этого поколения поэзия Дмитриева -- в лучшем случае факт исторического прошлого: "Два писателя встретили век Александра и справедливо почитались лучшим украшением начала оного: Карамзин и Дмитриев" {Белинский В. Г. Собр. соч. в 9-ти томах. М., 1976, т. 1, с. 80.}.

Он родился в 1760 году (10 сентября {Даты даны по старому стилю.}), когда на российском Парнасе первенствовали Ломоносов и Сумароков, а умер 3 октября 1837 года, пережив на несколько месяцев Пушкина, когда уже были общеизвестны имена Гоголя, Белинского, Лермонтова. Время его поэтической славы -- конец XVIII -- первая треть XIX века. Вместе со своим другом Карамзиным он почитался реформатором и установителем литературного языка, образователем поэтического вкуса. "Вкус, свойственный Карамзину в прозе, является свойством Дмитриева в стихах <...>. Дмитриев установил поэтический язык",-- писал В. А. Жуковский {Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985, с. 322--323.}. И Белинский в "Литературных мечтаниях" (1834) вторил установившемуся мнению о Дмитриеве: "Он был в некотором отношении преобразователь стихотворного языка, и его сочинения, до Жуковского и Батюшкова, справедливо почитались образцовыми" {Белинский В. Г. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 1, с. 86.}.